

Хэ Шуцзюнь и Дин И рефлекторно повернулись, чтобы посмотреть на говорящего.

Это мужчина лет тридцати или около того, его было нелегко узнать благодаря бледному лицу и серьезному выражению. Он смотрел на двух миссионеров, как на какое-то чудовище. Он не говорил слишком громко, но, конечно, мог лепетать, говоря: "Что в мире... зачем вы вообще пришли в такое проклятое место?!".

Хэ Шуцзюнь ответила: "Мы не знали...".

"В этом городе все еще есть люди, которые не знают, что музей полон сумасшедших?!" Мужчина казался пораженным, и продолжил: "Черт, черт... Неужели объявления из департамента транспорта не дошли до всех? Вы что, пытаетесь покончить с собой, придя сюда?!".

Хэ Шуцзюнь закатила глаза и сказала: "Пожалуйста... мы действительно не знаем, что происходит. Вы можете нам объяснить?"

Мужчина посмотрел на них немного, затем опустил плечи и сказал: "Пойдемте со мной. Я доктор в музее".

"Музей", "доктор" - два слова, которые не очень подходят друг к другу, но, похоже, по крайней мере, он единственный человек, который до сих пор в здравом уме в этом музее.

"Они все сошли с ума", - сказал доктор, вернувшись в свой кабинет.

Он казался довольно прямолинейным, даже наглым человеком, с горьким, суровым тоном в каждом предложении, которое он произносил. Учитывая то, как он привел двух "туристов", которые по ошибке зашли в музей, обратно в свой кабинет, он, вероятно, добр в душе.

"Что случилось?" спросила Дин И, - "Мы встретили одного старика...".

"Вы встретили старого директора? Ха, это удивительно. Вы фактически сбежали из его лап, прежде чем вас провели через весь музей".

"... Так вот как он сошел с ума?"

"Он считает, что этот музей является хранилищем антропологии, истории и прочего, поэтому все люди должны его посещать и знать обо всех коллекциях, реликвиях и прочем", - холодно усмехнулся мужчина, - "Назовите меня чудачком, но кто вообще будет посещать музей каждый день этой чертовой недели?"

Хэ Шуцзюнь слушала, одновременно наблюдая за офисом.

Он небольшой, но в основном чистый, хотя вещи расставлены несколько бессистемно, так что можно сделать вывод, что хозяин комнаты не слишком дорожит ею.

Она решила сменить тему и спросила: "Так что вы делали в коридоре?".

Мужчина с горькой улыбкой ответил: "Это благодаря новым правилам, которые издал наш старый директор после того, как сошел с ума, - он сделал глубокий вдох, прежде чем сказать: - Он требует, чтобы каждый сотрудник каждый час приходил на ресепшн в вестибюле и отчитывался о своих обязанностях.

Он считает, что люди не приходят в музей, потому что, во-первых, департамент транспорта и совет по туризму халатно относятся к своим обязанностям, а во-вторых, мы, сотрудники, недостаточно много работаем. Все остальные сотрудники - сумасшедшие, раз соглашаются с этим, слово в слово.

Если вы сейчас попытаетесь пройти в разные секции музея, десятки сотрудников выстроятся в очередь, чтобы показать вам все вокруг. Это войдет в их "почасовой обзор".

С каждой минутой тон становился все более саркастичным.

Хэ Шуцзюнь немного подумала, потом пришла к выводу: "Если это правда, то музей... не кажется таким уж опасным?".

"Не опасным?" Доктор закатил глаза: "Скажу одно. Вы никогда не выйдете, как только войдете. Если вы хотите выйти... поздравляю, вы будете следующим участником викторины "Десять тысяч тривиальных вопросов о музее"."

"... А если я не смогу ответить правильно?"

"Директор будет ругать тебя за то, что ты бесполезный кусок дерьма с памятью, сравнимой с памятью золотой рыбки, и будет вечно держать в музее, пока ты не сможешь правильно ответить на все вопросы".

У Хе Шуцзюнь отвисла челюсть, и она спросила: "Под хранением вы подразумеваете...?".

"Именно", - сказал ей доктор, - "в задней части музея куча людей усердно работают над тем, чтобы вбить знания в память, хотите пойти и посмотреть?".

Хэ Шуцзюнь медленно покачала головой в оцепенении.

... Значит, в наши дни, чтобы осмотреть музей, нужно обладать фотографической памятью?

Дин И спросила: "Я слышала, директор упоминал, что музей передает свои коллекции?".

По какой-то причине она не могла пропустить эту информацию мимо ушей.

Услышав это, доктор на мгновение замолчал, а затем, похоже, на мгновение вернулся к реальности и сказал: "Да, коллекции передаются".

"Почему?"

"Все сумасшедшие вокруг, да, - ответил доктор, - в этом музее хранятся некоторые ценные артефакты, надо отдать ему должное, поэтому именно директор предложил перевезти их в безопасное место.

На самом деле, толчком к этому послужил один из тех людей, которые были заперты в подсобке. Один из них сбежал и каким-то образом разбил ценный фарфор... или что-то еще? В любом случае, вероятно, это было сделано специально.

Директор, должно быть, был в ужасе. Вот почему он вывозит коллекции".

Дин И кивнула. Теперь она наконец-то поняла, что происходит.

Хэ Шуцзюнь, видя, что тема на сегодня исчерпана, начала спрашивать о другом: "Так кроме вас, есть еще кто-нибудь в здравом уме в музее?".

Доктор сказал: "Я не знаю. Я тоже веду себя так, будто я сумасшедший, как они снаружи. Старый директор слишком далеко зашел, и любой, кто не следует его указаниям, будет наказан - в виде декламации материала и контрольных работ, я думаю... и сбежать из музея тоже нет возможности.

Я уступил, да, и делаю все, что он хочет, поскольку я всего лишь врач, и мне нечего делать. Я каждый день вовремя регистрируюсь, вовремя выписываюсь и каждый день отчитываюсь о том, что ничего не сделал за день. Директор лучше всех знает, что никто из туристов все равно никогда не приезжает, так что у меня все просто.

Может быть, другие сотрудники такие же, как я; о, но точно не те, кто отвечает за различные залы музея, они на 100% безумны. Они ходят вместе с директором, поэтому я советую вам избегать их, если это вообще возможно.

Что касается того, кто точно гарантированно вменяем... наверное, те, кто отвечает за перемещение коллекций".

Хэ Шуцзюнь с любопытством спросила: "Разве не сотрудники музея перевозят коллекции?".

"Нет, не все. Некоторые - из страховой компании, некоторые - из транспортной, кроме того, сотрудники музея каталогизируют реликвии, - пояснил доктор, - я вижу их каждый час, когда иду отчитываться о своей работе. Они кажутся вполне вменяемыми, но всегда выглядят обеспокоенными и встревоженными".

"Беспокойство и тревога равны ясности?"

"Ха, вы не видели, как выглядят другие сотрудники, которые сошли с ума. У них на лицах написано "Я люблю работу, работа любит меня". Не спят только те, кто выглядит раздраженным из-за того, что им приходится все передвигать".

Уголок рта Хэ Шуцзюнь дернулся, но она не могла придумать, что еще сказать.

Все, что сказал доктор, идеально совпадает...

Тем временем Дин И осторожно спросила: "Мы все еще можем уйти отсюда? Или мы тоже застряли в музее?"

"Вы были в каком-нибудь из залов и слушали объяснения старого директора?" Доктор задал ключевой вопрос: "Если не были, то полагаю, есть шанс, что директор не будет к вам приставать и позволит вам уйти. Если да, то неважно. Я могу только пожелать вам удачи".

"Нет", - быстро ответила Хэ Шуцзюнь, - "так что мы можем уйти сейчас, верно?".

"Вам все равно придется сначала рассказать директору", - сказал доктор, он нахмурился и спросил, "но подождите, вы уже здесь, но еще не были в залах?".

Хэ Шуцзюнь и Дин И переглянулись, а затем рассказали, что с ними произошло до прихода в этот кабинет.

Доктор был шокирован и сказал: "Вы... вы точно сумели отвлечь его внимание, хорошо. Похоже, у сотрудников департамента транспорта будет больше головной боли из-за этих сумасшедших".

"Вы уже упоминали о департаменте", - не удержалась Дин И, - "похоже, они все еще в здравом уме?".

Доктор ответил: "Если уж на то пошло, то да, но, скорее, просто все здравомыслящие люди были переведены в этот департамент. Поскольку безумие возникло из ниоткуда и выглядит заразным, правительство сделало все возможное, чтобы ограничить распространение безумия в самом себе, поэтому департамент транспорта и некоторые другие, я думаю, приложили некоторые усилия в этом направлении, хотя, к сожалению..."

Доктор выглянул в окно и не смог удержаться от вздоха.

Он закончил: "Их слишком много".

Хэ Шуцзюнь, как всегда, прямолинейно спросила: "Но ведь и сумасшедшие не кажутся такими уж агрессивными?"

"Не кажутся агрессивными?" Доктор холодно ответил: "Я знаю один район, где люди сейчас одержимы какой-то реальной битвой. Большая часть населения уже мертва, и они пристают к другим районам, чтобы послать туда людей, чтобы снова довести количество людей до 100 человек."

Челюсти Хэ Шуцзюнь упали на пол. У нее больше не осталось слов, чтобы ответить.

Правда, по пути они с Дин И не встречали откровенно агрессивных сумасшедших, но они уже видели трагедию в том отделении банка.

И очевидно, что это инфекционное безумие уже наносит большой ущерб нормальному общественному порядку и безопасности.

Доктор вздохнул и сказал: "Если вы можете уйти, только сделайте это быстро. Возможно, вам даже удастся проскользнуть под радаром старого директора, если вы будете осторожны", затем его выражение лица стало несколько потерянным, когда он сказал: "В этом мире достаточно просто выжить".

Хэ Шуцзюнь, глядя на него, молча кивнула.

Затем они вдвоем покинули кабинет врача.

Вскоре оба миссионера снова оказались у входа в музей.

Хэ Шуцзюнь спросила Дин И: "Нам пора уходить?".

Дин И казалась нерешительной, но после некоторых раздумий она ответила: "Я не думаю, что нам нужно уходить. Это первый заход, поэтому мы должны собрать больше информации, если это возможно. Мы зашли так далеко, так что мы можем пойти дальше".

Хэ Шуцзюнь кивнула в знак согласия, а затем сказала: "Так давай найдем тех людей, которые передают коллекции?".

Дин И кивнула.

Затем они повернулись и направились в глубь музея.

Тем временем зрители потока также наблюдали за их действиями.

Сью Бэйцзин позволил, чтобы действия пары заполнили главный экран потока, в основном потому, что он видел, как они приближаются к большой, совершенно новой сцене музея, под которой также находится целый ряд исследуемых локаций, и это показывало, насколько важна эта локация.

Информация, полученная двумя миссионерами на данный момент, также стала сокровищницей для зрителей, о которой они с удовольствием подискутировали.

"Интересно, здравомыслие в безумии? Порядок в хаосе?"

"Но что-то кажется неправильным, учитывая нынешнюю ситуацию, не слишком ли большой кошмар по сравнению с этим? И неважно, но я все еще не вижу никакой связи между сюжетными линиями из всех подсказок?"

"Я задам этот вопрос снова: где, по-твоему, находится хозяин кошмара?"

"Ты должен спросить, кто?"

"У нас даже нет кандидатов..."

"Вот почему я сказал, что подсказки повсюду".

"Я не уверен, что это вообще подсказка, кроме того, что миссионеры знают, что кошмар полон сумасшедших, что еще здесь есть?"

"Банк, салон, магазин, автобус и музей... все они сумасшедшие, но есть ли в этих сценах хоть что-то, что поможет понять истину кошмара? какая из них действительно связана с тем, что пережил владелец кошмара?"

"Даже то наведение вроде "дежавю", которое было в последнем кошмаре, совсем не всплыло... все это повсюду и такое большое, когда они вообще закончат исследование?"

"Трудно сказать, доктор выглядел так, будто он может что-то заподозрить, но он не выглядит таким уж напуганным... Я не могу представить, чтобы что-то заставило кого-то вспомнить все это во сне, в частности".

"Эм, но все эти места, где они побывали, и безумные люди внутри - все это может заставить

кого-то видеть кошмары, но может ли владелец кошмара действительно испытать все это сам?"

"Отлично, снова всплывает прежнее описание Бейбея: кошмар, связанный с кошмарами".

"... значит, этот кошмар - тот, в котором присутствуют другие кошмары? Банк и магазин горячих блюд, музей и библиотека, и все остальное - это другие кошмары, только втянутые в этот кошмар?"

"Тогда вопрос: что на самом деле могло случиться с владельцем кошмара?"

"Почему бы просто не спросить, почему в этом кошмаре присутствуют чужие кошмары?"

"... итак, что за кошмар у Бейбея?"

"Помогите, остановитесь, я сейчас умру, все эти вопросы, которые вы задаете, но ни одного ответа?"

"Я честен, я не могу ответить"

"Вызываю детектива Далао на помощь"

"... На самом деле, я тоже не могу много проанализировать, так как миссионеры имеют лишь зачаточное понимание некоторых моментов этого кошмара. Учитывая, насколько велик весь этот кошмар, боюсь, что их ждет еще много открытий".

"Логично, а как обстоят дела у миссионеров в библиотеке?"

Сюй Бэйцзин, наблюдая за потоком, увидел комментарий с просьбой сообщить о прогрессе в библиотеке, и, подумав, переключил сцену на Ву Цзяня, а не на Линь Циня. Очень подозрительно и "ничего особенного".

... Потому что Линь Цинь находился рядом с ним.

Когда дело дошло до поиска улик, никто не мог превзойти Линь Циня, который был чрезвычайно быстр, чрезвычайно интуитивен и умен, и чрезвычайно "у меня нет здравого смысла, поэтому я не видел в этом никакой ценности". Он в мгновение ока обошел весь первый этаж библиотеки, не обнаружив ни одной подсказки, и ничего, что показалось бы ему неуместным.

После этого Линь Цинь очень честно и открыто вернулся к Сюй Бэйцину.

... Что плохого в желании провести время с любимым человеком! Он и так сделал все, о чем его просили!

Сюй Бэйцзин бросил на него слегка разочарованный, но в то же время недоуменный взгляд.

Линь Цинь стоял там, сложив руки, пока Сюй Бэйцзин не выдержал и не перевернул доску, открывающую вход в приемную, и сказал ему: "Проходи и садись внутрь".

Глаза Линь Циня заблестели, он поспешно вошел и сел рядом с Сюй Бэйцзином.

Он всегда говорил, что ему нравится Сюй Бэйцзин, но на самом деле он так не поступает, не так ли? подумал Сюй Бэйцзин, глядя на него. Действительно ли он ему нравится?

Линь Цинь, казалось, смутился от такого взгляда и спросил: "Почему ты так смотришь на меня?".

Сюй Бэйцзин откровенно ответил: "Я не чувствую, что нравлюсь тебе".

Линь Цинь наклонил голову и спросил: "Почему ты этого не чувствуешь?". Он казался удивленным: "Даже после всего?"

Сюй Бэйцзин "..."

Потеряв дар речи, он спросил, "ты думаешь, я читаю мысли?".

Линь Цинь сказал "ох", а затем начал усиленно думать о том, что он может сделать, чтобы Сюй Бэйцзин почувствовал его расположение.

Сюй Бэйцзин положил руку на стол и положил на нее голову, глядя на Линь Циня с тонкой улыбкой. Этот дум-дум маленького яблока... действительно интересен.

Линь Цинь ненадолго задумался, а потом заговорил: "Я уже читал роман?"

"Ммм?"

"В книге была пара. Один из них всегда говорил другому, когда просыпался утром: "Я люблю тебя"".

Сюй Бэйцзин сказал: "Слишком пошло".

Линь Цинь пожаловался: "Ты не засыпаешь, так как же я должен говорить "я люблю тебя", когда ты просыпаешься?".

Сюй Бэйцзину потребовалась секунда, чтобы понять удивительную логику Линь Циня. Почти ошеломленный, он сказал: "Значит, чтобы доказать, что я тебе нравлюсь, я должен заснуть? Линь Цинь, я бы даже сказал, что ты делаешь это специально..."

"Нет", - Линь Цинь вдруг стал серьезным и сказал: "Я действительно хочу, чтобы ты заснул, и это также правда, что ты мне нравишься".

Сюй Бэйцзин замолчал.

Хрустящие ясные и особенно пронзительные глаза Линь Циня смотрели прямо на Сюй Бэйцзина. Затем он сказал, мягко и серьезно, как никогда: "Я люблю тебя, Сюй Бэйцзин, это правда. Ты не можешь отрицать мои чувства".

Сюй Бэйцзин надолго замолчал, а потом улыбнулся и сказал: "Ладно, хорошо... Я знаю, что ты уже любишь меня..."

Линь Цинь спросил, "ты ведь не пытаешься снова сбежать?".

"... Что значит "снова"?"

"Ты всегда меняешь тему разговора".

"... Предполагалось, что я тебе нравлюсь, так почему же теперь опять моя тема?"

"Разве ты не сказал, что объект - это 'ты', что также делает тебя его частью?"

"Но ты также сказал, что мне не нужно переживать из-за этого?"

"Я просто хочу, чтобы ты серьезно рассмотрел мои чувства, - глаза Линь Циня немного расширились, когда он сказал, - и если ты все еще будешь чувствовать беспокойство, то..."

"Что тогда?"

"Тогда просто отложи это на время", - Линь Цинь жестом показал, - "на очень маленькое время".

Сюй Бэйцзин "..."

Он мог поклясться, что достаточно расстроен, чтобы прогнать Линь Циня.

Похоже, уловив что-то, остроумный Линь Цинь сказал: "Это ты пригласил меня сесть здесь".

Сюй Бэйцзин сузил глаза, глядя на Линь Циня, и добавил: "Ты впустил меня в свой мир, поэтому не можешь после этого прогнать меня; точно так же, как ты ворвался в мой мир, и не можешь ожидать, что я буду сидеть здесь и ничего не делать".

Сюй Бэйцзин замолчал.

Хм, это не имеет смысла. С каких это пор Линь Цинь научился подобным речевым оборотам?

... Это был по сути флирт; значит, маленькое яблоко тоже может сказать что-то подобное, если ему дать время?

Сюй Бэйцзин, честно говоря, был поражен.

Возможно, ему не следовало позволять Линь Циню иметь полный доступ к этим странным романам.

Смысл, переданный взглядом Сюй Бэйцзина, заставил Линь Циня спросить в ответ, слегка ворча: "Эй, а что означает это шокированное выражение?"

"... Кто в мире будет называть любимого человека "эй"?"

Линь Цинь на мгновение оцепенел, а затем спросил: "Дорогой?"

"... Нет, спасибо, меня зовут "эй"".

Линь Цинь "..."

Он обиделся, так как думал, что над ним смеются.

... Но неважно, подумал он, ведь он знал Сюй Бэйцзина, и чем более взволнованным и эмоциональным он становился, тем больше сомневался и не был уверен в себе.

Наклонив голову, Линь Цинь внимательно наблюдал за тихим Сюй Бэйцзином, размышляя, правда ли, что Сюй Бэйцзин не знает, что он нравится Линь Циню?

... Не может быть. Сюй Бэйцзин должен это хорошо знать.

Линь Цинь считал, что, когда дело доходит до эмоций, Сюй Бэйцзин должен быть гораздо более проникательным, чем он. Для Линь Циня мир пуст, а для Сюй Бэйцина все наоборот, он все еще помнит свои дни на Земле, и наверняка слышал достаточно историй, хотя и не пережил ни одной.

Но почему-то именно Сюй Бэйцзин уклонялся от этой темы и старался вообще не говорить о ней.

Что плохого в том, что он называет его "дорогой"?

Сюй Бэйцзин спросил бы "неужели нам, друзьям, нужно быть такими пошлыми?" и тем самым снял бы прямолинейную атаку Линь Циня. Если он не собирался даже принимать эмоции Линь Циня, то, судя по его характеру, он должен был ответить на это откровенно.

Но он этого не сделал. Вместо этого он полагался на свои инстинкты, чтобы увернуться и убежать.

Потому что он должен быть неуверен. Линь Циню, должно быть, удалось задеть какую-то часть его. Вот почему он так себя вел. Он колебался. Он задумался. Он не мог найти подходящую контрмеру для решения этой проблемы.

Чем неувереннее становился Сюй Бэйцзин, тем увереннее становился Линь Цинь.

Линь Цинь считал, что в любви все зависит от прямоты и непоколебимости человека, верно?

И он как раз такой человек.

Он не хотел бы покидать Сюй Бэйцина. Он хотел бы всегда быть рядом с этим человеком. Если это не любовь, то чем же он может объяснить это жгучее, пламенное чувство в своей груди?

Иногда ему очень хотелось, чтобы Сюй Бэйцзин почувствовал то, что чувствует он.

Жгучее, грызущее, дразнящее... Движения, мысли, наваждение, когда Линь Цинь осознал вес слова "любить", прочно привязали его к этому единственному маршруту.

Отказаться от него уже невозможно.

Линь Цинь всегда имел свой путь на нижнем этаже, его физическая сила позволяла ему всегда делать в башне все, что он захочет. Лишь его незаинтересованность в этом останавливала его, так что в некотором смысле он сам себя останавливает.

Его глубоко эмоциональный взгляд был устремлен прямо на Сюй Бэйцзина. Казалось бы, он не отстранится, даже если Небеса рухнут.

В тишине он просто думал, что именно этот человек ему нравится. Он... его.

Он открыл рот, чтобы улыбнуться.

О да, он будет держать луч света - в своих собственных руках.

То, что он хочет сделать, всегда будет сделано. Никогда не было исключений.

Многие забыли, и даже сам Сюй Бэйцин не обратил внимания на то, что Линь Цинь в последнее время держал себя в руках, но в самом начале Линь Цинь был назван королем нижнего этажа без короны, потому что он был бешеным псом.

Сейчас он вроде бы одомашнился, но его жестокая натура все еще вытравлена в самой его душе.

...Сюй Бэйцин совершенно не заметил взгляда Линь Циня.

Вернее, его снова успешно раздражало маленькое яблоко.

Раздосадованный, Сюй Бэйцин специально игнорировал Линь Циня, а вместо этого повернулся к потоку.

В этот момент он увидел, что Ву Цзянь, кажется, что-то обнаружил на втором этаже.

Это книга на дальней стороне стола стойки обслуживания на втором этаже.

Хотя в целом здесь все хорошо организовано, но, возможно, нехватка персонала или отсутствие энтузиазма привели к тому, что в некоторых местах книги расположены довольно бессистемно.

Эту книгу просто положили обратно на стойку обслуживания, не позаботившись о том, чтобы вернуть ее на место.

Ву Цзянь не сразу заметил ее, потому что его внимание сначала привлекли гигантские электрические часы, показывающие текущую дату и время.

23/07/20XX, 15:15.

Он проверил часы и отметил время, и поэтому не заметил несколько очевидную книгу за стойкой обслуживания.

Затем он прошел по этажу, не найдя никого или особых подсказок, и уже отключался, разглядывая тысячи книг на полках, когда случайно заметил книгу.

До этого он был несколько расстроен мыслью о том, что этот кошмар может потребовать от него найти конкретную книгу среди огромных книжных полок, что было бы сродни поиску иголки в стоге сена.

В целом, кошмары башни не предъявляли таких нелепых требований.

Хотя, когда весь второй этаж был лишен подсказок, он делал кислое лицо и шел к одной из книжных полок, когда оказался возле стойки обслуживания и увидел книгу.

Он взял ее в руки.

"Безумие: Запись последних 200 дней"... Ву Цзянь рефлексивно прочитал название вслух, а затем удивленно пробормотал: "Это документальное свидетельство о безумцах?".

Затем он сверил дату публикации с электронными часами.

... Она была опубликована всего месяц назад?

"Если так, то безумие, вероятно, начало распространяться около двухсот дней назад?" Ву Цзянь продолжил бормотать про себя, "или нет. Оно могло распространяться в течение года, например, прошлым летом...".

Затем он снова сделал серьезное лицо и продолжил: "Но тогда это только время, когда оно началось, что толку знать это...".

Когда вокруг никого не было, на этом огромном, пустом втором этаже библиотеки, он мог только бормотать про себя, чтобы немного снять напряжение.

Он сделал глубокий вдох, а затем принялся за чтение.

Не читать, а просто проверять оглавление, а затем пролистывать то, что казалось важным.

В книге гораздо больше документального подтверждения происходящего, чем рассуждений о его причинах. Кажется, что автор не пытался исследовать источник безумия, а сосредоточился на самих безумцах.

Следует также отметить тот факт, что распространение безумия носит глобальный характер, что заставляет автора принять более радикальный и беспомощный тон.

"... Городское движение сначала разрушалось, а затем восстанавливалось. Я слышал, что большинство людей в департаменте дорожного движения было переведено из того, что было космическим агентством. Эй, поговорим о плюсах...

...Вместо безумия, которое в одночасье охватило пациентов и врачей в больницах, гораздо более трагичными и непонятными были пациенты и врачи в психиатрических институтах. Помимо непосредственной проблемы переполненности, добавляющей к полной вместимости безумных пациентов, только представьте себе, что сделало бы целое множество хороших сумасшедших, лечащих безумных пациентов...

... Многие люди все еще "работают", но трудно сказать, потому ли это, что они действительно хотят продолжать работать, или они просто сошли с ума. Может быть, они действительно не сошли с ума, потому что это в точности похоже на то, как эти люди вели себя раньше...

...Любому читателю было бы трудно понять, если бы он не видел своими глазами, как эти редкие, но шокирующие акты зла, которые попали бы в национальные новости, теперь становятся обычными темами для светских бесед, которые люди часто используют в качестве завязки разговора...

... С точки зрения социального порядка, нигде не стало совсем уж непригодным для жизни. Хотя безумие пришло из неизвестного источника, но с тем, как оно захватило мир, как оно есть. Мы больше ничего не можем сделать...

...

Я вспоминаю шутку о том, что развитие человечества происходит настолько быстро, что если люди древних цивилизаций, переходящие в средневековье, не считали бы изменения настолько радикальными, то любой человек из средневековья, переходящий в современный мир, получил бы сердечный приступ от темпов развития.

Поэтому логично спросить, как бы отреагировал кто-то из тех, кто десять лет назад переместился в этот мир? Отчаялся бы он от того, насколько безнадежной стала человеческая цивилизация, или просто выразил бы удивление тем, как сложилось будущее?

Уже ходят слухи, что ученые обсуждают, стоит ли оставить безумие в покое. Одна из школ считает, что эта форма безумия - одна из возможностей дальнейшего развития цивилизации.

Те, кто не сошел с ума, не живут?

Но действительно ли люди уже дошли до такой отчаянной, неизбежной стадии, когда им

приходится бороться за свое выживание с безумием в этой огромной, бесконечной вселенной? Неужели наше положение уже настолько нестабильно?

Должен сказать, что даже ученые сбились с пути.

...

Через сто дней после того, как безумцы захватили мир, люди начали обсуждать основные права, которыми должны обладать эти безумцы.

Некоторые из этих безумцев не так уж плохи, особенно те, которые просто много работают, если только они не пытаются заставить меня работать так же много, как они...

Если говорить о моей собственной безопасности, то я больше беспокоюсь о количестве оставшихся ясных людей. По мере того, как их число уменьшается, как вы определяете "нормальных" и "ненормальных", и кто из них теперь действительно ненормальный? У меня нет простых ответов...

...

После того, как безумие распространилось, многие люди восприняли его как знак грядущего апокалипсиса. Они даже поклоняются ему, считая его неким наказанием от Бога, которое, по воле Бога, предвещает скорое разрушение, Судный день.

Они придерживаются мнения, что люди - это примеси голубого мрамора, и именно мы должны быть уничтожены. Безумие - это первый шаг к нашему внутреннему истощению, прежде чем на нас снизойдет истинный апокалипсис.

Действительно, эти религиозные фанатики, кричащие повсюду "Нечистоты" - это те, кто клинически безумны. Еще более смешно, что многие люди покупаются на их доктрину. Религия к этому моменту, похоже, зашла в тупик.

Несмотря на разрушение общественного порядка, люди все еще делают все возможное, чтобы выжить. Проблема лишь в том, что мы не знаем, как долго мы продержимся.

Именно в этот час эти люди еще больше подтачивают волю человечества к жизни. Они призывают нас лечь на дно и позволить судьбе диктовать наше будущее... Как они смеют?

Мы все еще не готовы сдаться. Мы все еще можем продолжать. Мы все еще можем делать все возможное, чтобы оставаться в здравом уме. Я пишу эту книгу, потому что считаю, что именно сейчас настал момент, когда кто-то должен высказаться и сказать всем - мы должны сделать все возможное, чтобы продолжать идти вперед.

Прошло двести дней, и общество восстанавливается. Мы нашли выход из безумия. По крайней мере, производительность человечества снова растет. Мы научились жить и жить с безумцами. В будущем, возможно, мы даже сможем восстановиться, вернуть все на круги своя.

Я говорю оптимистично; нет. Я должен говорить оптимистично, и я верю, что в конце концов это закончится. Должно.

..."

Перелистывая книгу, взгляд Ву Цзяня переходил от шока к безразличию, от боли к отчаянию. Его эмоции бурлили. Он никак не мог успокоиться.

Он задумался о том, было ли это когда-то на Земле. Случилось ли это когда-то с человеческой цивилизацией?

... Бесконечная болезнь безумия?

В конце книги автор попытался сделать все возможное, чтобы избежать мрачного и, вероятно, безумного настроения книги, чтобы звучать позитивно и оптимистично, чтобы пожелать человечеству преодолеть это испытание, вернуться к нормальной жизни и оставить странное безумие позади.

И все же, удастся ли это?

Ву Цзянь не знал, но ему просто интересно, если бы человечество действительно смогло противостоять безумию, то почему они все равно оказались в башне?

И еще одна непонятная вещь... "нечистоты"?

Это очень специфическое ключевое слово вызвало у Ву Цзяня воспоминания о столь же специфическом кошмаре - том, в котором он видел сон на вершине руин.

Это тоже был кошмар нижнего этажа, хотя этот в настоящее время может похвастаться тем, что необъяснимым образом спустился с верхних этажей башни.

Есть ли здесь какая-то связь? Почему в этой книге упоминается тот кошмар? Будет ли подобное явление единичным, случайным примером в этом кошмаре, или это обычное явление?

Нет, подождите, Сюй Бэйцзин уже сказал что-то, намекающее на это здание из другого кошмара; если это тоже пример, тогда этот кошмар, конечно, будет, по крайней мере, несколько особенным?

... Ву Цзянь сделал пронизательный вывод, что если этот кошмар действительно содержит следы других кошмаров, то может это действительно тот самый? Так называемый предельный кошмар?

Ву Цзянь надеялся на это, но разум подсказывал ему: не может быть.

Он знал, что все не может быть так просто. Если предельный кошмар действительно так легко появляется, то даже если он посещает только случайные этажи, не может быть, чтобы о нем не было никаких известий так долго.

Кроме того, Му Цзяши уже говорил, что однажды побывал в этом кошмаре, не так ли? Если он побывал в этом кошмаре, да еще и получил истинный конец, то почему он все еще в башне?

Так что в этом смысле этот кошмар не может быть связан с предельным кошмаром.

Тем не менее, читая обо всех этих явлениях в книге, Ву Цзянь не мог не подумать, что эта книга... определенно выглядит важной. Помимо упоминания о "нечистотах", это еще и пара глаз, которые помогают заглянуть в прошлое.

Он впал в транс, просто разглядывая обложку книги.

Внезапно он ударил себя по лицу, сказав: "Нет, это не то. Если книга здесь, значит, в ней есть какая-то важная информация об этом кошмаре...".

Он продолжал думать об апокалипсисе, и забыл даже самые основы.

Они в кошмаре. Они опасны, безжалостны и кровожадны. Он не мог позволить себе быть таким небрежным.

Даже если Му Цзяши уже знал, как разрешить этот кошмар.

... Проклятье, он чувствовал, что может еще больше расслабиться.

Ву Цзянь держал книгу в руках со странным выражением лица. Он не знал, что ему сейчас делать.

В этот момент кто-то внезапно появился - это женщина-миссионер из пары, спускающаяся по винтовой лестнице недалеко от того места, где он стоял.

Она сказала: "Идем скорее, мы нашли нормального человека".

Давайте вернем время назад, примерно на десять минут.

Пока Ву Цзянь был поглощен чтением, миссионеры, называющие себя парой, прибыли на третий этаж.

Сначала они поднялись на четвертый этаж, а затем спустились на третий.

Согласно тому, что сказал им Сюй Бэйцзин, на четвертом этаже должны быть большие и пустые комнаты, а на третьем - маленькие читальные залы. Очевидно, что четвертый этаж будет гораздо быстрее исследовать, поэтому пара сначала поднялась туда.

Хотя Ву Цзянь сомневался, что они пара, они, по крайней мере, уже умели сотрудничать. Они прошли весь четвертый этаж без единого слова.

Наконец, когда они уже собирались спускаться обратно, Стрижка сказал: "На моей стороне ничего нет".

"И здесь тоже".

Тогда Стрижка сказал: "Понятно. Тогда пойдём на третий этаж, Е Лан".

Женщина, к которой он обратился как к Е Лан, кивнула без лишних слов.

Если бы кто-нибудь из других миссионеров был здесь, они, вероятно, удивились бы, увидев Е Лан, которая раньше выглядела обеспокоенной.

Тогда они, вероятно, подумали бы, что этим миссионерам, спустившимся на нижний этаж, нравится изображать слабость.

Именно это и планировали Е Лан и ее спутник, включая ту часть, где они притворялись парой, потому что это были бы простые отношения, которые, в общем-то, успокоили бы других людей. Не то чтобы они собирались вступать в конфликт с остальными миссионерами, но они сделали это, чтобы обеспечить себе более легкое прикрытие во время распределения ролей в кошмаре.

Е Лан вела себя как немногословная женщина, которая казалась озабоченной, что в значительной степени скрыло бы ее от глаз других миссионеров, и позволило бы ей наблюдать за их действиями по очереди, а также более спокойно обдумывать подсказки для кошмара.

Что касается того, эффективно ли это... Ну, возможно, в той мере, в какой может сработать эффект плацебо.

Просто потому, что на нижнем этаже башни в данный момент не требуется никаких подобных интриг. Миссионеры с более высоких этажей решили работать вместе и прийти к консенсусу гораздо быстрее, чем те миссионеры нижнего этажа, которые поднялись на более высокие этажи.

Им нужно работать вместе.

И особенно потому, что кошмары нижнего этажа в любом случае не требуют конкуренции, поэтому настроенные на эффективность, прагматичные миссионеры немедленно приняли новый образ действий.

Миссионеры, которые все еще оставались на нижнем этаже, теперь должны либо знать какие-то слухи, либо иметь свои собственные планы, либо... они все еще не готовы отказаться от возможности предельного кошмара.

Последняя возможность как нельзя лучше описывала Стрижку и Е Лан.

Точнее будет сказать, что, борясь и выживая день за днем в кошмарах на верхних этажах, они уже потеряли надежду когда-либо покинуть башню. Поэтому лучший выход для них - пожелать, чтобы существование предельного кошмара оказалось правдой.

По сравнению с предельным кошмаром, перспективы того, что они снова и снова будут достигать истинного конца, бесконечно поднимаясь все выше и выше, пока, наконец, не достигнут самого верхнего этажа башни... настолько ниже, что практически равны нулю.

Вернее, она равна нулю.

Они никогда не смогут этого сделать.

Гораздо более умные, мудрые, сильные люди, чем они, потерпели неудачу, поэтому они знали, что им это не под силу.

Поэтому, возможно, мудро, а возможно, просто сгоряча, они снова спустились на нижний этаж башни в погоне за еще одним возможным, но неправдоподобным огоньком надежды.

Сколько людей сейчас на нижнем этаже, похожих на этих двух миссионеров?

Бу Цзянь последовал за Е Лан на третий этаж и увидел "нормального человека", которого описала Е Лан, в одном из читальных залов.

Это... 17- или 18-летний студент в толстых круглых очках.

Тем временем, миссионеры, которые направились на север от библиотеки, наконец, на что-то наткнулись.

Фэй остановилась.

Она разглядела знак перед собой и, сузив глаза, рефлекторно прочитала его вслух: "500 метров вперед, Космическое агентство?".

<http://bllate.org/book/16079/1438328>